

Третий лик трех А

EX LIBRIS - ПУШКИН - "НЕЗНАКОМЦА ГЕЗ" -
Кидался ли Арап на русских женщин? - 1984 - СЕАНТ -
- N 15 - С 5

Воспоминания

Лукницкий П.Н. ACUMIANA.
Встречи с Ахматовой. Т. 2
(1926–1927). — Париж—Москва:
УМКА—PRESS. Русский путь,
1997, 1000 экз.

ПРОШЛО более десяти лет гласности, а из «догугтен-берговой» эпохи приходят к нам все новые книги. Книга Лукницкого не для ленивых. Чтобы прояснить некоторые вещи, надо ползти по книжным полкам, составить комментарии к ней самостоятельно. Но, судя по тиражу, нашествия на библиотеки не предвидится. Вторая книга «Встреч с Ахматовой» появилась в магазинах одновременно с третьим томом записок Лидии Чуковской об Ахматовой и многостраничным фолиантом «Записные книжки А. Ахматовой». Это случайное столкновение книг на полке магазина для читателя может оказаться очень важным: один и тот же человек предстает перед нами в восприятии разных людей и частично открывается изнутри.

Анна Андреевна не жаловала записывающих («Свинская склонность к записыванию»), хотя не могла не понимать важности того, что делают эти люди. Время было для этого мало приспособлено, за клочок бумаги и автор записи, и автор слов могли попасть в лагерь, поэтому на страницах этих книг не найдешь политических высказываний. Чуковская сетует, что большая часть разговоров оказалась незаписанной, так как больше всего они говорили о терроре, судьбе погибших, Сталине и т.д. Может, это и покажется жестоким и эгоистичным, но нас это интересует менее всего.

Не следует преувеличивать глубину открытости Ахматовой со своими биографами. Им она сказала то, что хотела бы сказать своим читателям, потомкам и современникам. Она была очень скрытным человеком и доверяла только тем, кто никому ничего не рассказывал и ничего не записывал. Чем ближе был к ней человек, чем больше он о ней знал, тем меньше передал посторонним людям, а ближайшие ничего никому не сказали.

Ее всегда отличали взвешенность и обдуманность всего, что она говорила людям. За любой проходной фразой что-то да стоит. Она объясняет разницу между ее реакцией на смерть Ларисы Рейснер и отношением к кончине Есенина. Он сам хотел умереть — «это совсем другое дело...». «Это» звучит в его стихах, что для нее важнее всех доказательств. Так думала не одна Ахматова, так думали многие. За это-то и спрятались его убийцы, и так хорошо, что до сих пор доказать их вину невозможно.

В книге Лукницкого Ахматова предстает в историческом времени, в эпоху творчества, когда все действуют, ничего не понимая и не отдавая отчета в своих действиях. Это было время возникновения «литературного процесса» и становления «управления» им. Ахматова сразу же оказалась за бортом. Для себя она придумывала причины — статья Чуковского, статья Осинского, статья Лелевича, таинственное «постановление» о ней. Она была врагом не потому, что выступала против, а потому что молчала, имела мужество молчать. Третий том записок Чуковской служит прекрасным фоном к книге Лукницкого. Смерть Сталина, XX съезд, возвращение сына из лагеря, встреча с Солженицыным, процесс Бродского — событий много, но время другое, поведение людей меняется, история творится по-иному.

Поэзия и образ Ахматовой сливаются для большинства ее почитателей с обликом Петербурга, но это представление нуждается в уточнении. Ахматова принадлежала к редкому в тогдашней России и совершенно неизвестному в коммунистической сводке классу жителей богатых пригородов, какими были Царское Село, Павловск под Петербургом или Мамонтовка и Малаховка под Москвой. Не следует удивляться, что она впервые посетила Летний сад через много лет после того, как стала бывать и жить в столице.

Непонимание не было бы столь обременительным, если бы не сопровождалось бесконечными выдумками, домыслами, которые навязывали Ахматовой упрощенные роли роковой женщины, развратницы, затворницы и т.д. Забавнее всего выглядит история «романа» с Блоком. Лукницкий записал, что Ахматова не возражала против этой сплетни — таким милым и хорошим был Блок. Но позднее она решительно восстала против этого мифа, и можно понять, почему: умерли все участники драмы и нужно было сказать правду. Тогда же, в 20-е годы, все еще помнили, какими были на самом деле возлюбленные Блока. Ахматова на фоне вставшего на дыбы гиппопотама — «прекрасной дамы» Менделеевой-Блок была сверхкрасавицей. Она не чувствовала себя жертвой молвы. Позднее жизнь все расставила по местам. Теперь не она была его любовницей, а он ее любовником, а как таковой он ей не был нужен, и Анна Андреевна решительно вывела его из своего «донжуанского» списка.

Ее бедность не была ей в радость, она с трудом к ней привыкала, но Ахматова не смирилась с ней, а придала особый смысл, превратила в позу, позицию, маску, шит. Носила на себе мешки с едой и углем, ходила в баню, готовила нехитрую еду на примусе, чистила снег во дворе, колола дрова (Шилейко страдал ишиасом).

Обладая тончайшим поэтическим слухом, она тонко чувствует не столько нюансы ритма, сколько фальшивые ноты притворства. Удивляют версификаторский талант Вячеслава Иванова, неизменный успех его у начитанной публики и абсолютное игнорирование его стихов простыми читателями. «Он никогда искренним не был...» — приговор и точнейший диагноз. Эта поэзия интересна только как форма лицедейства.

Пушкинистика была частью ее занятий, но она же отравила ей жизнь. Обращает на себя эпизод, когда Ахматова очищает свои стихи от посвящений и эпитафий. Постоянная манипуляция с атрибутами стихотворений составляла неотъемлемую часть ее работы над книгами. Она постоянно что-то прятала от постороннего проницательного глаза. Чаше всего старалась скрыть образ конкретного человека, с которым данное стихотворение связано. В это же время Бунин, злородно ухмыляясь, шпигует во Франции свои черновики сразу же после окончания работы. Чтобы какой-нибудь филолог копался — никогда!

Ахматова редко писала письма, ее эпистолярное наследие незначительно и по количеству, и по качеству (не-творчество). Объяснения самой Анны Андреевны были сбивчивы, но вот у Лукницкого находим фрагмент с записью разговора о Сологубе, в котором Ахматова, сказала, что он не писал письма, так как считал, что писать письма — значит отдавать часть самого себя. И скрылась за словами о том, что это, может быть, было им сказано только из любви к парадоксам.

Сологуб является вторым главным героем этого тома, каким был в первом томе Есенин. Его фигура заслуживает внимательного к себе отношения. Ахматова постоянно встречается с ним с 1921-го по 1924-й, в это же время Бонди постоянно наблюдает его работу и беседует с ним, десятки других людей исповедуют этого «замкнутого» человека, и непременно каждый выносит что-то полезное из общения с ним. Как и все, Анна Андреевна цитирует парадоксы и броские фразы, вроде «Арап, который кидался на русских женщин». «Вынесла впечатление, что Сологуб ненавидел Пушкина и Толстого. Никакой системы в его мнениях нельзя было заметить». Вот и не заметила, но стала изучать Пушкина, и так, как никто этого до нее не делал.

Андрей ГОРБУНОВ

